

ИВАН АПОЛЛОНОВ

*Доцент кафедры философии
Кубанского государственного технологического университета,
кандидат философских наук, доцент
Российская Федерация*

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 16–12–23020 а(р) «*Этническая культура как пространство становления личности в контексте глобализации (на примере исследования самопонимания этнокультурной идентичности молодежью Кубани, Адыгеи и Абхазии)*»

Мультикультурализм является одним из главных социальных парадоксов глобализации, поскольку на фоне интегративных процессов, затрагивающих практически все сферы общественной жизни и тем самым унифицирующее их, культурное разнообразие глобального мира не только не ослабевает, но, напротив, усиливается.

В данном контексте показательно противонаправленность осмысления и оценки социокультурных трансформаций глобального мира. С одной стороны, в качестве генерального направления подобной трансформации как идеологи глобализации, так и их противники рассматривают вестернизацию – новый этап экспансии Запада в условиях объединения ойкумены в единое целое. Такое рассмотрение вполне логично, поскольку именно Запад, как «первый мир», является источником интеграционных процессов, и его влияние в каждом из них, несомненно. Соответственно, глобализация рассматривается как закономерный

итог эпохи европейского освоения мира, начало которой положили каракки и каравеллы Колумба и Магеллана. Подобный взгляд позволяет утверждать, что зарождающаяся глобальная культура в основном западная, американская по своему происхождению, и именно она распространяется во всем остальном мире на уровне, как элит, так и широких масс. Вестернизация «инфицирует» традиционные культуры посредством внедрения чуждых для них культурных стереотипов, что приводит к разрушению культурного ландшафта, трансформации локальных культур в сторону однотипной «американизации».

С другой стороны, высказываются опасения, что интеграционные и миграционные процессы, напротив, несут в себе «инокультурную инфекцию», способную разрушить социокультурное пространство западного мира, привести к утрате основополагающих идентификационных принципов традиционной Европы. К примеру, Б. Бэрри полагает, что в глобальном мультикультурном обществе индивид обречен быть заложником групповых различий, поскольку любая форма политической поддержки группового по своей сути культурного разнообразия идёт вразрез со стержневым для европейской традиции либеральным принципом личной свободы человека. И не

случайно в политическом пространстве ведущих европейских стран набирают популярность крайне правые партии, выражающие идеологию этно-национального консерватизма и изоляционизма.

Впрочем, западный мир не является монолитным бастионом глобализации. Наряду с небоскрёбами мегаполисов США существует «одноэтажная Америка» с фестивалями кантри, семейными ценностями и традицией домашней кулинарии, в которой популярна идеология американского изоляционизма. Символу глобализма McDonald's противостоит организованное в Италии движение Slow Food (медленная еда), принципиально ориентированное на местные продукты и своеобразие национальной кухни. Да и антиглобализм как идеология и общественно-политическое течение сформировался и активно действует именно на Западе. Соответственно, в западных странах последствия глобализации, разрушающие социокультурную среду обитания человека, ощущаются не меньше, чем в других местах.

Таким образом, вестернизация как стратегия построения глобального космополитического общества связана не с экспансией наличных форм западной культуры, а с проектом посттрадиционной культуры которая противостоит европейской традиции не меньше, нежели другим традиционным культурам. Подобный проект, построенный на парадоксальном переплетении глобальной вестернизации с экзотикой незападных традиций, формирует мультикультурное пространство глобального мира.

Парадоксальность такого проекта выражает Энтони Гидденс, полагающий, что основной конфликт глобализации происходит между фундаментализмом, стремящимся очистить собственную традицию от инокультурного влияния, и космополитической толерантностью, приветствующей культурное многообразие мира.

В этом утверждении имплицитно содержится ряд видимых противоречий, которые ставят вопросы, требующие философской рефлексии. Во-первых, каким образом обращение к собственной этнокультурной традиции ведёт к фундаментализму? Во-вторых, с какой стати космополитизм, противостоящий этническому фундаментализму, должен приветствует культурное разнообразие мира (ведь такое разнообразие имплицитно содержит в себе опасность фундаментализма)? Эти вопросы по-новому высвечивают проблему сущности культуры в модусе мультикультурализма.

Обозначенный Э. Гидденсом конфликт указывает на то, что линия онтологического разлома, очерчивающая пространство глобального мультикультурного общества, проходит между традиционным и посттрадиционным взглядом на культуру, определяющую ценностные основания, как общества, так и человека как «общественного животного». Поэтому рассмотреть место культурных миров в глобальном мультикультурном обществе нужно сквозь аксиологические основания этого проекта, его идейные конструкции, связанные с концептуализацией грядущей эры постсовременности в философии постмодернизма. Подобные конструкции, с одной стороны, улавливают и выражают суть происходящих процессов, а с другой стороны, выполняют проективную функцию, определяющую ориентиры для этих процессов. Ведь средоточием культуры является производство идеалов, пытающихся ухватить и утвердить подлинную суть человека, даже в том случае, если происходит восстание против самого принципа подлинности, провозглашается смерть человека и замена его постчеловеческим существом, как это происходит в философии постмодернизма.

Культурологический проект постмодернизма основан на радикальной де-

конструкции метафизического стержня традиции, как определенной иерархии смыслов, образцов и идеалов, позволяющий различить добродетели и пороки, истинность и мнимость форм общественного и личного бытия, в конечном счёте, фактуальную данность и идейную заданность человеческой жизни (Человек с большой буквы, настоящий мужчина и т.д.). В частности, Теодор Адорно в подобном различении, утверждении абсолютности духа, образующего ореол культуры, усматривал мощный идеологический подтекст, направленный на идеализацию и оправдание существующего или даже устаревшего социального порядка;¹ принцип, который не переставая, служит насилию. В результате деконструкции культуруобразующий уровень идеалов теряет онтологический статус метафизического абсолюта, определяющего осмысленность и значимость жизни человека и общества. Они выносятся в виртуальную гиперреальность симулякров: знаков, которые отсылают не к реальным предметам, а к контекстуальному пространству других означающих. Смысл симулякра превосходит границы реальности, помещается в сверхбытие, которое равнозначно небытию.² Подобная гиперреальная избыточность норм и ценностей культуры переводит их в виртуальную плоскость «как бы» реальности. Тем самым они теряют свою имманентность социокультурному миру и перестают фундировать человека как «общественное животное» и становятся средствами выражения культурных паттернов.

Деконструкция метафизической вертикали культуры разворачивает вектор

1 Гаджиев К.С. Об инверсии вектора и функций глобализации // Мировая экономика и международные отношения, 2015. №7. С. 16.

2 Бергер П. Культурная динамика глобализации. В кн. Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. Пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 4.

подлинности человеческого существования к «машинам желания», движение которых разрушает культурные табу, высвобождает революционное бессознательное людей, чья тайна — это тайна функционирования, а не тайна интерпретации.³ Именно эта бессознательная механика желаний, сцепляющая людей в «желающие машины», определяет генеральный вектор посттрадиционной трансформации общества и является его онтологической основой. Соответственно, общество глобального космополитизма характеризует безосновность, отказ от укорененности в традиции, и функциональность, где критерием эффективности выступает удовлетворение желания, фундированного коллективным бессознательным. Подобные черты определяют глобальное общество массового потребления, поскольку деконструкция метафизических оснований культуры как горизонта онтологической подлинности делает бессмысленными любые усилия по самосозиданию, муки «второго рождения» человека. Ему остается лишь самовыражение в потреблении. Собственно цивилизация мегаполисов и супермаркетов, в которых каждому предоставляется неограниченный выбор для самовыражения в потреблении, является символом глобализации, стержневым аттрактором глобального общества.

При этом для подобного самовыражения в потреблении человеку необходима гиперреальность деконструированных смыслов культуры, поскольку лишь в ней возможно сконструировать собственную идентичность. Такой конструкт становится центральным объектом потребления, поскольку предоставляет набор стилевых средств для личного самовыражения, ведь «машина желаний» по сути своей адискурсивна и не имеет

3 Миронов В.В. Трансформация культуры: угроза диалогу // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. XIII, вып. 3 (№№ 65 - 66). С. 148.

собственного «Я». Соответственно, космополитизм глобализации предполагает культурное многообразие мира. Однако это многообразие является культурой в превращенной форме, поскольку отрицает метафизическое содержание культуры как универсума тавтологических в своей безусловности понятий, таких, как «честь», «совесть», «добро», – конституирующих границу мира нравственных явлений в котором человек обретает себя в качестве нравственного существа. Напротив, здесь подчёркивается самоценность культурного различия именно как *формы* самовыражения, тогда как в содержательном отношении данные формы должны соответствовать политико-правовым стандартам Запада и формату общества массового потребления.

Подобный модус мультикультурализма сводится к веселым фольклорным фестивалям, народным промыслам, ресторанам национальной кухни (разумеется, соответствующим всем санитарно-гигиеническим требованиям), стилистическим особенностям жизненного мира. Такое разнообразие культуры, представляющее собой определенный бренд на рынке гиперреальных идентичностей, и приветствует гиденсовский космополит – актер глобального мультикультурного общества.

Оборотная сторона подобного модуса сообщества рассматривает культуру в качестве средства групповой консолидации, орудия политической борьбы за признание особых прав и получение дополнительных преференций внутри мультикультурного общества. Причем по форме такие общества могут обладать всеми атрибутами того, что Э. Гидденс называет фундаментализмом: демонстрировать борьбу за чистоту собственной традиции и бороться с тлетворным влиянием глобальной вестернизации.

Однако, по сути, такие общества явля-

ются квазитрадиционными,¹ поскольку и в первом, и во втором случае культурная традиция рассматривается её носителями не столько в качестве собственной сущности, определяющей подлинность «Я», а как особый имидж, самопрезентацию, направленную на Другого, к примеру, туриста, общественное мнение социокультурного большинства или государственные структуры демократических стран. Такие сообщества не только не состоят в экзистенциальной конфронтации с посттрадиционным глобальным социумом, но, напротив, составляют его неотъемлемую часть, поскольку стремятся получить экономические и политические дивиденды от собственной инаковости, и, в тоже время, пользоваться всеми плодами общества массового потребления. В этом смысле мультикультурный парадокс состоит в том, рост этнического самосознания происходит на фоне фактического разрушения традиционных форм этнической культуры под натиском аттракторов глобальной вестернизации. В данном контексте этническое самосознание выражает не данность этнокультурной традиции, которая, как таковая, размывается в современном обществе, а представляет ее символическую репрезентацию, сконструированную из идеологической интерпретации фрагментов прошлого. Подобный модус мультикультурализма можно уподобить пёстрому покрывалу, скрывающему механизмы «машины желаний» общества массового потребления.

Другой вектор обращения человека к собственной этнокультурной традиции связан с попыткой экзистенциального противостояния тенденциям глобального консюмеризма и космополитизма. Подобное обращение представляет собой реакцию на «оргию» деконструкции социокультурной природы человека

1 Barry B. Culture and Equality: an Egalitarian Critique of Multiculturalism. Polity Press, 2001.

– взрывное освобождение в какой бы то ни было сфере – материальной, рациональной, сексуальной, критической и антикритической.¹ Осознание того, что нигилистический заряд деконструкции способен взорвать основания социальной нормативности, составляющие «вторую природу» человека актуализирует своего рода экологию культуры: понимание того, что ресурсы традиционных норм и ценностей оказываются вполне исчерпываемыми и их необходимо защищать и поддерживать ради сохранения культурных основ человечности человека. В данном контексте обращение к традиционным ценностям культуры связано с желанием разглядеть за мишурой и мельтешением повседневности, за аттракторами массовой культуры и потребительских стандартов тот духовный стержень, утрата которого делает жизнь онтологически пустой и неподлинной. Этнокультурная идентичность рассматривается как один из источников такой духовности и её значимость связывается с попыткой прикоснуться к живому значению родного языка, норм и обычаев, фундирующих человеческое измерение человека.

При этом данный вектор нельзя свести лишь к идеологии консерватизма, направленной на культивирование обычаев, из которых вырастает национальная самобытность и формируются традиционные ценности народа. Ведь стремление сохранить в неизменности традиционные формы жизни неизбежно противопоставляет их объективным процессам мирового развития. Попытки возрождения традиционной культуры проблематичны уже потому, что возрождаемые элементы подвергаются рефлексии со стороны ее современных носителей. Поэтому реконструируемые обычаи становятся

«изобретенным», поскольку в рамках современной социокультурной реальности они теряют своё прошлое значение,² что ведет к превращению этноса в описанное выше квазитрадиционное общество.

Соответственно, при обращении к духовным основаниям этнической культуры важно учитывать, что традиция не является неизменной данностью и её самотождественность и аутентичность нельзя свести лишь к «тому, что было раньше». Помимо воспроизводства прежних форм общественного бытия в ней присутствуют и «точки роста», запускающие механизмы творческой адаптации к сложившимся условиям современности, использованию этих условий в качестве ресурса собственного саморазвития. Поэтому сохранение подлинности культуры, её действительной аутентичности возможно лишь с помощью творческого развития её традиционных форм.

Живое бытование этнической традиции предполагает разомкнутость культурных форм на современность, с одной стороны, и разомкнутость фактуального течения жизни в метафизическую вертикаль подлинности человеческого бытия. Тем самым открываются апофатические горизонты целостности традиционных форм этнической культуры. Подобная целостность предстаёт присутствующим отсутствием той истины, которая фундирует социальные формы бытия. Такая истина не сводится к катафатическому набору наличных форм традиции, а замыкает имеющейся структуры к горизонтам правды человеческого бытия в его национальном измерении, того, что людей на деле объединяет в единый народ и определяет подлинно человеческое измерение человека как социокультурного существа.

1 Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Изд-во «Весь мир», 2004. С. 20.

2 Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. С. 329.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
2. Бергер П. Культурная динамика глобализации. В кн. Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. Пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2004. 379 с.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 257 с.
4. Гаджиев К.С. Об инверсии вектора и функций глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 7. С. 16–28.
5. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Изд-во «Весь мир», 2004. 120 с.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Книга 2. Тысяча плато. Екб.: У-Фактория, 2010. 895 с.
7. Кравец А.С. Теория смысла Ж. Делеза: pro и contra. // Лорос № 4 (49), 2005. 227–258 с.
8. Кречетова М.Ю. Вопрос о подлинности: Т. Адорно versus М. Хайдеггер / Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. 2011. № 2(14). С. 122–129.
9. Мамардашвили М.К. Вильнюсские лекции по социальной философии: (Опыт физической метафизики). – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 320 с.
10. Миронов В.В. Трансформация культуры: угроза диалогу // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. XIII, вып. 3 (№№ 65 – 66). С. 144–152.
11. Шандыбин С.А. Постмодернистская антропология и сфера применимости ее культурной модели. // Этнографическое Обозрение. 1998. №1. С.14–27.
12. Barry B. Culture and Equality: an Egalitarian Critique of Multiculturalism. Polity Press, 2001. 399 p.

MULTICULTURALISM AND THE PROBLEM OF ETHNO-CULTURAL BASIS OF HUMAN EXISTENCE

IVAN APOLLONOV

PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russian Federation

The article discusses the ontological foundations of global, multicultural society. The social code of the society determines the deconstruction of the metaphysical hierarchy of the culture that distinguishes between genuine and imaginary levels of the human being. The value orientations of this society is self-expression in consumption, which implies the self-value of the diversity of cultural peculiarities. Culture ceases to be a way of asserting the moral basis of man and becomes a form of self-expression. In this context, ethnic culture takes quasirotational forms exotic brand and is a means of group cohesion, an instrument of struggle for economic and political preference in a global society of mass consumption. Another vector for the treatment of modern man to the traditional forms of culture associated with the search for spiritual grounds the authenticity of his own existence in the world of simulacra and the global sham. This base is an apophatic holism, in which the integrity of the tradition defines the horizon of universal values embodied in the folk customs.

ԲԱԶՄԱՄՇԱԿՈՒԹԱՅՆՈՒԹՅՈՒՆ ԵՎ ՄԱՐԴԿԱՅԻՆ ԿԵՅՈՒԹՅԱՆ
ԷԹՆՈՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ՀԻՄՔԵՐԻ ՀԻՄՆԱՀԱՐՑԸ

ԻՎԱՆ ԱՊՈԼԼՈՆՈՎ

*Փիլիսոփայական գիտությունների դոկտոր,
Կոթանի պեյրական տեխնոլոգիական համալսարանի
փիլիսոփայության ամբիոնի դոցենտ*

Հոդվածում քննարկվում է բազմամշակութայնության հիմնախնդիրը՝ այն զուգահեռելով մարդկային կեցության էթնոմշակութային հիմքերին: Բազմամշակութայնությունը դիտարկվում է իբրև գլոբալիզացիայի կանոնադրյալ սոցիալական պարադոքս, քանզի ինտեգրատիվ գործընթացների հարթության վրա, այն շոշափում է հասարակական կյանքի գրեթե բոլոր ոլորտները: